

Стихотворения М. Лермонтова,

три части, с портретом автора. С.-Петербург, в типографии Ильи Глазунова и комп., 1842. В 12-ю д. л.

Лет пятнадцать тому наша читающая публика в отношении к поэзии обнаруживала такое свежее и любознательное чувство изящного, что каждое истинное дарование, без всяких домогательств, не свойственных природе таланта, могло проложить себе путь к известности; можно было выдавать свои сочинения в свет без особенной приязни с журналистами и книгопродавцами и, продолжая трудиться, предоставить времени конечную оценку трудов. Подле Пушкина являлись другие таланты; публика ими всеми интересовалась и внимательно следила за успехами каждого из них. Охлаждение дружественных соотношений между публикою и литературою повредило им обоим: одна скучает, другая чахнет! Причины охлаждения толкуют различно, но оно достоверно, как факт. Счастлив, кто в то время или сошел со сцены мира, или захватил столько репутации, что покуда еще достаёт на удвоенное число бесплодных фараоновых годов нашей литературы! Молодой поэт теперь не суйся в свет с одним своим дарованием! Не пропустят его в парнасский цирк без свидетельства, подписанного именитым книгопродавцем и двумя-тремя голосистыми рецензентами. А некоторые из них действуют весьма оригинально! Или они, за неимением времени, по первой и по последней страницам разбираемого сочинения *отгадывают* его достоинство; или -- если прочтут всю книгу, то в вознаграждение за такой труд предаются полному разгулу насмешек над бедною книгою; или они совершают черкесский набег на область германской философии, пускаются в отчаянную игру таинственными ее терминами в мутном полусвете недоучения; или они с видом тонкого знатока рассматривают какой-нибудь гриб, признают его самым дивным, благоуханным цветком словесности и подносят в подарок Гомеру.

При такой тактике записных рецензентов, при равнодушии публики к поэзии, именно в то время, когда забывали даже Пушкина, мы были обрадованы самым приятным феноменом: появился молодой поэт, открытым, благородным путем быстро стяжал известность и заинтересовал публику. Этот поэт был *М. Ю. Лермонтов*. Чем объяснится этот феномен? Талантом ли поэта? Талант прекрасный, но еще не являвший решительных признаков гения, а великий гений -- поверьте -- всего менее был бы постигнут и оценен в наше время! Ключ к этой тайне мы отыщем в прошедшем, перенесясь за пятнадцать лет назад, именно к тому периоду, о котором мы говорили.

Тогда имя Пушкина гремело в нашей словесности; судьба юноши-поэта, сладкозвучный язык, легкие, красивые формы, простота и ясность мыслей, энергическая полнота жизни, незаносчивое, умеренное воображение; столько светлых, грациозных качеств, оттеняемых скептицизмом Байрона, охлаждением к жизни и тою глубиною чувств, которую разведывает и простейший ум, -- и это светлое, и это темное выражалось в разнообразных, удачно выбранных сюжетах, которые приходились всегда по душе и по плечу юношескому возрасту народа. При таких *данных* Пушкин мог бы и не быть первоклассным поэтом -- и все-таки имел бы тот же успех: это обнаружилось впоследствии. Но Пушкин был первоклассный поэт! Он созрел; оглянул свои творения, сказал: "Меня хвалили Бог весть за что!" -- и решился быть достойным своей славы. Этот излишне строгий приговор самому себе доказывает, что Пушкин стремился к последней высоте искусства. Но его "Борис Годунов", единственное из сочинений его, которым он сам всегда оставался доволен, был принят публикою с меньшим уже восторгом, чем его прежние произведения. Не ясно ли, что автор "Кавказского пленника" и "Бахчисарайского фонтана" стяжал славу не тем, что составляет отличительное превосходство *Пушкина*? Не выказывалось ли этим охлаждение публики к литературе, о котором мы выше говорили? Трагическая кончина похитила Пушкина и снова возбудила в публике общий энтузиазм к ее любимцу. Исчез Евфорион, но остались на земле заветные его *ехивае!* {одежды (лат.). -- *Сост.*} В них, конечно, уже не содержится самый дух его поэзии; но они еще благоухают его духом; они и *материально* так живо напоминают отшедшего, что непременно привлекут внимание на того, кто их захватит. Современные Пушкину поэты имеют каждый свою физиономию и столько самобытного, что не могли бы, в плаще Пушкина, произвести в публике достаточного обмана чувств. Атрибуты Евфориона остаются для молодого, еще неизвестного поэта, который был бы воспитан на чтении Пушкина и если не весь проникнут, то, по крайней мере, *напитан* духом первых его сочинений, и отчасти свойственник ему по природе дарования. Таким чувствовал себя Лермонтов и присвоил себе роковые атрибуты. И справедливо: он исшел из обеих стихий Пушкина, из светлой и из темной, -- но более из темной; он весь *подражатель*, по крайней мере в первых его пьесах, но подражатель одного Пушкина -- хотя и далеко *не весь молодой Пушкин*! Лермонтов удачно перенял легкость, и звучность, и самый склад стиха, ясность и гибкость языка и образ выражения Пушкина (не